

Б. Т. ГОРЯНОВ

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛАТИНЯНАМ В ВИЗАНТИИ XIII—XV вв.

Рассматривая религиозно-философскую борьбу в Византии XIII—XV вв. на основе исследования церковно-полемической литературы, необходимо выделить особо историю происходившей в это время внутри византийского общества борьбы по вопросу об отношении к латинянам, т. е. к западной католической церкви, в центре которой стояла борьба вокруг проблемы об унии между западной католической и восточной православной церквями. Эта проблема в буржуазной историографии изучалась в основном лишь с конфессиональной точки зрения.

Религиозно-полемическая литература против латинян своими истоками упирается в отдаленные времена византийской истории. В этой огромной литературе выдвинулись крупные византийские теоретики-богословы во главе с патриархом Фотием (858—867 и вторично 878—886),¹ перу которых принадлежит большое количество теоретических произведений, посвященных опровержению догматов западной церкви и дискуссии по важнейшим догматическим вопросам, издавна разделявшим западную католическую и восточную православную церкви, особенно по учению о троице. Ко времени разделения церквей (1054 г.) расхождения между обеими церквями коснулись также ряда новых, второстепенных вопросов догматики, вызывавших ожесточенные споры. Однако проблема исхождения святого духа всегда оставалась в центре внимания западных и восточных богословов-полемистов.

Здесь, как и в отношении всей византийской литературы, нужно иметь в виду правильное утверждение Д. С. Лихачева о том, что „в литературе, как и в искусстве, господствующие классы Византии искали, прежде всего, общедоступное изложение религиозного учения и требовали от них, чтобы они вселяли уважение к государственной власти и власти церкви“.² В литературе, особенно церковной, господствующие классы Византии видели активную силу, содействовавшую укреплению феодального строя.³ Очень интересна мысль Д. С. Лихачева, что господство феодальной литературы не есть поглощение твор-

¹ Из большой литературы о деятельности Фотия в борьбе с западной церковью отметим лишь обстоятельную монографию Ф. М. Россейкига „Первое правление Фотия, патриарха константинопольского“ (Сергиев посад, 1915), содержащую значительную библиографию.

² Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII веков. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. X, 1951, вып. 5, стр. 466.

³ Там же, стр. 461—462.

чества народа. „Господствующий класс только «господствует», но истинным создателем материальных и духовных ценностей выступает все же трудовой народ“. Новое в литературу феодальности вносили под влиянием новых требований¹ в связи с задачей „держать в узде эксплуатируемое большинство“.

Новый подъем религиозно-философской борьбы вокруг вопроса об отношении к латинянам совпадает с эпохой возникновения Латинской империи и не прекращается до конца византийской истории. Эта борьба обострялась тем, что господствующие классы государства Запада в союзе с папским престолом не оставляли мысли о восстановлении Латинской империи и с этой целью замыслили новые походы против Византийской империи.² Эти стремления зачастую находили поддержку внутри Византии в отдельных прослойках господствующих классов византийского общества. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, „склонностью находить себе опору в чужеземной культуре во все времена и у всех народов отличались прежде всего господствующие классы“.³ Отдельные группы господствующих классов Византии пытались навязать всему византийскому обществу идею возобновления крестовых походов, пущенную в ход папским престолом на Лионском соборе 1274 г. и вызвавшую появление трактата Якова Витрийского (Jacques de Vitrey) „Historia universalis“. К этому же времени относятся и многочисленные предсказания о „великом вожде“, который якобы должен явиться для „спасения святой земли“ или даже о воскрешении Карла Великого, Фридриха Барбароссы или кого-либо другого, которые должны будут стать во главе нового ополчения крестоносцев.⁴ Насколько сильны были эти прослойки господствующих классов Византии, можно судить хотя бы по тому, что они в конце XIII в. возглавлялись императором Михаилом VIII Палеологом, стремившимся снова пустить в ход предложение о церковной унии, издавна служившее излюбленным орудием византийской дипломатии в поисках военной помощи Запада.

Длительные дискуссии по вопросу об унии восточной и западной церквей, которые не прекращались в Византии с момента оформления раскола в 1054 г., имели основным содержанием теоретически-богословское обоснование примата той или иной церкви. Над обоснованием теорий о примате римской католической или восточной православной церквей трудились представители той или иной прослойки византийского духовенства, а также идеологи отдельных группировок господствующих классов византийского феодального общества. Они заполняли свои капитальные труды бесконечным количеством цитат из сочинений „отцов церкви“ и постановлений вселенских соборов, дополняя их собственными объемистыми комментариями. В обширной литературе клерикальные и буржуазные историки занимались в основном догматической стороной вопроса, не уделяя никакого внимания анализу политического значения церковно-полемической литературы по вопросу об отношении к латинянам, поискам классовых корней расхождений по этому вопросу между отдельными прослойками господствующих классов Византии.

¹ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 462—463.

² См. хотя бы: E. Dade. Versuche zur Wiedererrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopol. Jena, 1938.

³ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 168.

⁴ F. Kampers. Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Saga. München, 1895. См. нашу рецензию на книгу: A. Palmer A. Thorop. Criticism of the Crusade. Amsterdam. 1940. Виз. вр., т. III, 1950, стр. 294—298.

Пренебрежение исследованием истинной подоплеки горячей полемики об отношении к латинянам привело к тому, что эти ученые не заметили ясных высказываний ряда византийских авторов. Между тем в сочинениях византийских полемистов имеется значительное количество высказываний по интересующему нас вопросу. Эти высказывания позволяют восстановить истинную сущность ожесточенной полемики, за которой скрывалась острая политическая борьба.

Политическая сущность теории тех группировок, которые боролись против подчинения византийской восточной церкви папскому престолу, наиболее ярко вскрывается в „*Oratio pro unione*“, которую Варлаам, как посланник византийского правительства, держал в 1339 г. в Авиньоне перед римским папой Бенедиктом XII. В этой речи Варлаам вскрывает причины, по которым население Византии резко настроено против унии и подчинения византийской церкви папскому престолу. „Знайте, — говорит Варлаам в этой речи, — что не столько различия в догматах отделяют от вас сердца греков (разрядка моя, — *Б. Г.*), сколько ненависть против латинян, вошедшая в их души из-за многих больших бедствий, которым греки в различные времена подвергались от латинян и еще теперь иногда подвергаются. Пока эта ненависть не будет уничтожена, уния не может состояться“ („...quod odium nisi prius abjiciatur ab eis, non poterit unio fieri“).¹

В своей речи Варлаам говорит об условиях, на которых население Византии согласилось бы забыть свою ненависть к латинянам и не выражать против унии. Для этого, говорил Варлаам, требуется, во-первых, чтобы короля французов уговорили послать военную помощь; во-вторых, чтобы дано было отпущение грехов всем, которые желают помочь в войне против турок; в-третьих, чтобы были освобождены все греки, где бы они ни находились, которые были проданы латинянам („ut omnes Graeci, qui fuerunt venditi a Latinis, ubicunque sint, liberentur“), чтобы греки более не продавались, чтобы те, кто их продают, либо покупают, либо идут против них, отлучались бы от церкви („...si quondam vendiderint, vel emerint eos, vel vadant contra eos, sint excommunicati“).

Прежде чем это будет совершено, в эти страны должны быть посланы ученые люди для проповеди среди народа при условии, если император предоставит им бозопасность. Только при таких условиях народ Византии оценит эти благодеяния и почтено примет унию, даже без одобрения вселенского собора.²

Варлаам знал, что переговоры об унии происходят при сильном противодействии эксплуатируемых классов Византии. Переговоры могли вестись лишь секретно. Он говорит, что искать помощи ценою унии его послал не греческий народ, а император, притом секретно. Прежде чем в эти страны будет послана (военная) помощь, император не сможет открыться своему народу в том, что стремится к унии („...non communis Graecorum populus misit me, ut quaeram a vobis auxilium et unionem, sed imperator solus secreta; qui, nisi prius mittatur auxilium ad partes illas, non poterit manifestare se plebi suae, quod vult vestram unionem“).³ Лишь увидев помощь Запада, греки будут готовы принять речи ваших послов и исполнить их пожелания.⁴ Только тогда,

¹ MPG, 151, стр. 1336.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 1335.

говорит Варлаам, следует объединить греков с силами Запада, чтобы совместно идти против турок.¹

Во время Латинской империи обострилась борьба различных группировок господствующих классов византийского общества по вопросу об отношении к латинянам. В борьбу, которая затем продолжалась до самого конца византийской истории, были втянуты широкие слои населения империи. Большой интерес для исследователя представляют два памятника, не привлекавшие до сих пор внимания ученых, изучавших этот промежуточный период истории Византии.

Первый из этих памятников — письмо греков к папе Иннокентию III, являющееся ярким свидетельством усиления латинофильских тенденций в отдельных прослойках господствующего класса византийского общества, представители которых не рассматривали латинское завоевание как временное явление, считали возникшую в результате его Латинскую империю прочным государственным образованием и стремились найти общий язык с завоевателями, подчиниться их господству, чтобы сохранить свои классовые привилегии, слиться с господствующими классами иноземных пришельцев. Это письмо, написанное непосредственно после завоевания Константинополя латинянами в 1204 г., носит название „Graecorum ad Innocentium III pontificum romanum epistola scripta post captam a Latinis Constantinopolim, regnante Henrico imperatore“.² Этот памятник — образец раболепствующей угодливости господствующих классов перед завоевателями. Иннокентия III авторы письма называют своим господином, после многих поколений удостоившимся великой милости соединить Восток и Запад. За это великое деяние, говорят они, Иннокентий III должен стать и называться тринадцатым апостолом („σύ, δέσποτα, μετὰ πολλὰς γενεὰς ἡξιώθης ταύτης τῆς χάριτος, ἐνῶσαι τὴν Ἀνατολὴν καὶ Δύσιν, καὶ ἀπόστολος τρισκαδέκατος γενέσθαι καὶ ὀνομάζεσθαι“).³ Авторы письма, отражавшие интересы определенных групп господствующих классов, откровенно излагали в этом документе свои мысли о подчинении латинянам. „Мы думаем, — писали они в письме, — что мы должны иметь нашим императором Генриха и жить под его сенью“. Только „под сенью“ императора латинян Генриха авторы письма мыслят возможность работать по найму, обрабатывать землю, пасти стада и плавать по морю („θητεύειν καὶ γηπονεῖν, καὶ ποιμαίνειν καὶ πλέειν θάλασσαν“). Они обнаруживают отчетливое понимание значения своего содействия завоевателям. В своем письме они пишут, что без их участия не смогут быть наполнены гумно, виноградные чаны, не сможет выпекаться хлеб, добываться мясо, рыба, овощи („χάρις δὲ ἡμῶν οὐ πληρωθήσεται ἄλωσ, οὐδὲ ληνός, οὐδὲ βρωθήσεται ἄρτος, οὐ κρέας οὐκ, ἰχθύς οὐδὲ λάχανον“), вообще не сможет поддерживаться человеческая жизнь и государственное устройство („ἀλλ’ οὐδὲ ἀνθρωπίνῃ ζωῇ καὶ πολιτείᾳ σταθήσεται“). Во всем этом авторы письма обещают приложить все свои старания ради „братьев-латинян“, оказать всевозможную помощь в полной мере своих жизненных сил до самой смерти.⁴

К этому же кругу памятников относится трактат, приписываемый хартофилаксу храма св. Софии (уже при Латинской империи) Панталону — „Tractatus contra errores graecorum, de processione spiritus sancti, de animabus defunctorum, de azymis et fermentato, de obedientia

¹ MPG, 151, стр. 1335.

² Оно было издано в „Monumenta Ecclesiae Graecae“ Johanni Baptistae Cotelierii, t. III, и воспроизведено в т. 140 MPG.

³ MPG, 140, стр. 293.

⁴ Там же, стр. 296.

romanae ecclesiae, editus Constantinopoli, in aedibus fratrum praedicatorum, anno Domini 1252".¹ Трактат, приписываемый Панталеону, не только был издан в 1252 г., но и задуман доминиканцами; отделение их ордена было основано в Константинополе после его завоевания латинянами.

В этом трактате² подробно излагается вся история раскола, приведшего к разделению восточной и западной церквей, причем вся вина в этом расколе безоговорочно возлагается на греков, т. е. на восточную церковь. Там же нашли отражение настроения известной части господствующих классов византийского общества, и греческие священники обвиняются в том, что они всякими способами, скорее действиями, чем словами, стараются причинить ущерб до сих пор нерушимой святой римской церкви. Всякого латинянина, говорится далее в трактате, которого они присоединяют к своей вере, они крестят либо тайно, либо явно. Эти священники, говорится далее, перекрещивают уже крещеных по латинскому обряду детей латинян при содействии матерей, без ведома отцов. Это, говорится в трактате, отвратительнее всех упомянутых безобразий („Quod omnibus dictis supra abominationibus detestabilius est“).³

Греческая церковь постоянно восстает против латинян, не перестает ее оскорблять и вносить в нее анафему („ecclesia graecorum se muniens et erigens contra latinis, non cessat iisdem insultare, rabiem praevaniticaricationis et anathematis imponendo“).⁴ Авторы трактата переходят даже к поэтическим сравнениям. Всякая вода, говорится в трактате, текущая в источнике, естественнее и чище, чем в ручейках, которые из него вытекают. Поэтому нужно предположить и верить, что в латинской церкви, от которой, как от источника, происходят ручейки, каноны истиннее и чище, чем в церкви греков.⁵

Ожесточенная борьба по вопросу об отношении к латинянам и к унии с западной католической церковью велась и в Никейской империи, вскоре после возникновения превратившейся в центр собирания сил, стремившихся восстановить Византийскую империю. Эта борьба достигла своего кульминационного пункта при никейском императоре Иоанне Ватаце III (1222—1254).

Пост патриарха, престол которого в это время находился в Никее, занимал Герман II (1222—1240), бывший служитель храма св. Софии в Константинополе, после завоевания Константинополя латинянами, как и многие другие византийские церковные иерархи, отправившийся к никейскому двору. Как известно, Иоанн Ватац III предпринимал попытки переговоров с римским престолом об унии, видя в этом одно из средств борьбы за восстановление Византийской империи. 26 апреля 1234 г. в Нимфее в Вифинии был созван собор для приема делегации римского папы Григория IX. На этом соборе рассматривались предложения Григория IX (1227—1241) о восстановлении единства церкви.

Значительная часть сочинений Германа II не издавалась. Ему принадлежит целый ряд богословско-теоретических произведений, направленных в защиту толкований восточной церкви, а также гомилий, в которых он подвергал резкой критике латинскую церковь. После

¹ Этот трактат был обнаружен в рукописи Баварской библиотеки и был издан профессором богословия Петром Стевартием Леодием в IV томе „*Lectiones antiquae*“, выходящих под руководством Канизия. О других сочинениях Панталеона говорится в примечаниях Фабриция с заметками Гарлезия (MPG, 98, стр. 1239).

² Jacobi Basnagii in tractatum contra graecos observatio. MPG, 140, стр. 485—486.

³ MPG, 140, стр. 550.

⁴ Там же, стр. 562.

⁵ Там же, стр. 562—563.

собора 1234 г. он обратился к Григорию IX и к кардиналам с обстоятельным письмом, в котором он выступал активным противником унии.

Большой интерес представляют для нас послания Германа II к жителям острова Кипр от 1235 г. В первом из этих посланий он в гневных выражениях обрушивается на латинян, захвативших Кипр, ранее счастливый и блестящий, по своей значительности выдвинувшийся в свое время в одну из наиболее важных епархий византийской церкви и превратившийся в архиепископство.¹ Но сатана, говорит далее Герман II в первом послании, вооружает варварские руки („χεῖρας ὀπλίξει βαρβαρικᾶς“) и направляет вражеский народ против церкви („πολέμιον ἔθνος ἐπήγειρε κατὰ τῆς ἐκκλησίας“), народ, который все раздирает когтями, попирает ногами и разрушает все кругом („σπαράσσει τοῖς ὄνυξιν, ἄλλα δὲ ποσὶ συμπατοῦν, καὶ ἀπλῶς τὰ πάντα πρὸς ἀφανισμόν ἀχρειοῦν“).² Герман II обвиняет латинян в том, что они изгнали законного первого пастыря жителей Кипра, архиепископа Неофита, с его престола, и на его место посадили человека чуждого языка из латинского племени („τις καὶ ἄλλοθροος ἄνθρωπος ἐκ λατινικῆς φυλῆς τῷ τοιοῦτῳ θρόνῳ ἐγκαθεσθείς“).³ Во втором послании он призывает всех жителей Кипра, которые являются законными детьми православной церкви, „со всех ног“ бежать от священников, которые подчинились латинскому господству („φεύγειν ὅλῳ ποδὶ ἀπὸ τῶν ὑποπεσόντων ἱερέων τῇ λατινικῇ ὑποταγῇ“), не приходиться к ним в церкви и не принимать от них никакого благословения, так как они подчинились латинской тирании („τυραννίδι λατινικῇ“).⁴

Выдающуюся роль в теоретическом обосновании теории примата константинопольского патриархата и вообще в теоретической борьбе против латинян, против объединения западной и восточной церковью сыграл никейский император Феодор II Ласкарь (1254—1258), чья государственная, литературная и научная деятельность в исследованиях византинистов получила весьма разноречивую оценку.

Феодор II Ласкарь был учеником известного деятеля культуры этого периода Никифора Влеммида. Главным богословско-теоретическим произведением Феодора II Ласкаря является „Χριστιανικῆς θεολογίας λόγοι ὀκτώ“, содержащее учение о боге, троице и об исхождении святого духа. Для нас особый интерес представляет его полемическое сочинение против латинян, посвященное вопросу об исхождении святого духа, которое он направил епископу Короны.⁵

Видным сторонником борьбы против латинян был также живший в Никее и носивший, как и его предшественники, титул константинопольского патриарха Арсений Авториан (1255—1260), бывший архиепископ Керкиры. Его взгляды по вопросу об отношении к латинянам можно проследить по сохранившемуся его завещанию „Testamentum sanctissimi Arsenii archiepiscopi Constantinopolis novae Romae et oecumenici patriarchae“.⁶ Он высоко ценил деятельность Федора II Ласкаря, как идеолога и теоретика антилатинских группировок, и отмечал в своем завещании, что он много боролся за него и за укрепление его власти.⁷

¹ MPG, 140, стр. 604.

² Там же.

³ Там же, стр. 605.

⁴ Там же, стр. 620.

⁵ Полное название этого произведения: Θεωδώρου μοναχοῦ τοῦ Λάσκαρι λόγος ἀπολογητικὸς πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Κορώνης κατὰ τῶν Ἰταλῶν, ἤθουν κατὰ τῶν Λατίνων περὶ τοῦ Πνεύματος τοῦ ἁγίου.

⁶ MPG, 140, стр. 947—958.

⁷ Там же, стр. 949.

Он гневно клеймит Михаила Палеолога, узурпировавшего престол и, как известно, возглавившего пролатинскую группировку, сделавшегося одним из виднейших ее теоретиков и предпринявшего шаги к заключению унии с западной католической церковью. Арсений сурово осуждает Михаила Палеолога за то, что он после прихода к власти стремился привести восточную церковь в состояние подчинения Риму, безбожному и злокозненному („εις ταύτην τὴν ἀσέβειαν καὶ παντελῆ ἀπείθειαν τὴν τῶν Λατίνων ἠγωνίσαστο τὴν τοῦ Θεοῦ Ἐκκλησίαν ἄξι“), обрушился на церковь с гонениями, которые прекратились до этого на много лет.¹

В конце XIII в. основными представителями противоположных группировок в борьбе по вопросу об отношении к латинянам были Иоанн Векк и Григорий Кипрский. Иоанн Векк, бывший хартофилак св. Софии при патриархе Иосифе (1268—1275), был противником латинян, в то время как архидиаконы Константин Мелитениот и Георгий Метохит уже выступали в пользу латинян.² Под впечатлением чтения произведений Никифора Влеммида и политики в пользу унии, проводимой Михаилом VIII Палеологом, он примкнул к пролатинской группировке и с этого времени, в том числе и в бытность свою патриархом (1275—1282), все время оставался на этих позициях. В 1282 г. он был смещен с патриаршего престола и умер в 1293 г.

Иоанну Векку принадлежит большое количество теоретических произведений, направленных в защиту унии с западной церковью, в том числе много неизданных. Наиболее объемистым сочинением в этой области является его „О единении и мире церковей старого и нового Рима“ („Περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νέας Ῥώμης ἐκκλησιῶν“). В этом сочинении Векком предпринята была попытка исследовательски обосновать защиту унии, свести воедино все высказывания наиболее известных в древности и в его время церковных авторитетов по этому вопросу.

Григорий Кипрский, выдвинутый на патриарший престол (1283—1289) Андроником II, был главным противником Иоанна Векка и вообще крупнейшим теоретиком антилатинских группировок конца XIII в. Георгий Пахимер в VII книге своей „Истории“ уделяет деятельности Григория Кипрского большое внимание, подробно излагая его диспут с Иоанном Векком.

Борьба Григория Кипрского и Иоанна Векка была тесно связана с событиями, приведшими вправление Михаила VIII Палеолога к Лионской унии 1274 г.

Как известно, западные государства и после 1261 г. не оставляли своих планов завоевания византийской территории и восстановления Латинской империи. Падение Латинской империи ставило под непосредственную угрозу сохранившиеся и после восстановления Византии латинские феодальные владения в средней Греции и Пелопоннесе, обломки латинской Романии, „новой Франции“. Понимание этой угрозы выразил в своей „Жалобной песне о Константинополе“ французский трубадур Рютбеф:

Никто не глуп настолько, чтоб не видеть:
Когда утрачен будет наш Константинополь,
То предстоит и княжеству Морее
Подвергнуться столь сильному удару,

¹ MPG, 140, стр. 956.

² К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, стр. 96.

Который поразит святую нашу церковь,
 Что тело не просуществует долго,
 Раз у него разбита голова.¹

Папский престол, с восстановлением Византии утративший свои позиции на Востоке, открыто становится во главе союза, формирующегося для возобновления борьбы против Византии. Единственное средство для предотвращения новой опасности Михаил VIII Палеолог видел в примирении с западной католической церковью, руководившей всеми крестовыми походами, а в данное время покровительствовавшей латинскому княжеству в Морее, в котором католическая церковь видела опору для дальнейшего наступления на Византию.

Лионская уния 1274 г. довела до небывалой остроты борьбу внутри византийского общества, которая теперь вышла далеко за пределы теоретически-богословской полемики. Михаил VIII Палеолог наполнил тюрьмы непокорными представителями клира и светских кругов, в том числе и своими родственниками, обвинявшимися за пропаганду против решений лионского собора в государственной измене.² В Фессалии был созван направленный против унии собор, на котором имели место резкие выступления против императора и Иоанна Векка, идеолога единения с западной церковью.³ Массы преследуемых бежали от правительственного террора в среднюю Грецию, Трапезунтскую империю и в Болгарию.

С большими подробностями историю столкновений вождей двух противоположных группировок — Иоанна Векка и Григория Кипрского — передает Георгий Пахимер в первой и второй книге „Истории Андроника Палеолога“. По требованию Иоанна Векка был созван собор в присутствии Андроника II, работами которого руководили Григорий и александрийский патриарх Афанасий. Наиболее активными сторонниками Иоанна Векка на этом соборе были Константин Мелитиниот и Георгий Метохит. Внешним содержанием собора была богословская дискуссия об исхождении святого духа. На соборе был прочтен упомянутый нами „Εκδήσις“ Григория Кипрского.⁴ Против Григория Кипрского особенно резко выступали эфесский митрополит Иоанн Хил, Даниил из Кизика, Феолепт Филадельфийский, к ним присоединился великий логофет Музалон. Сторонники Григория Кипрского требовали, чтобы патриарх Александрии Афанасий подписался под изложением его символа веры. Это предложение встретило отказ Афанасия. Противники линии Михаила VIII после этого собора были подвергнуты суровым репрессиям.⁵

„Εκδήσις τοῦ τόμου τῆς πίστεως“ Григория Кипрского,⁶ вызвавшее такую страстную борьбу на этом соборе, является острым полемическим произведением. Его автор с гневом утверждает, что Иоанн Векк и его сторонники Константин Мелитиниот и Георгий Метохит замыслили гибель и катастрофу церкви,⁷ снова склоняли к прежнему отпадению,

¹ Цитируется по книге: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 622.

² Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques, VII, 1934, стр. 357—358.

³ V. Grumel. En Orient après le concile de Lyon. Échos d'Orient, XXIV, 1925, стр. 321 сл.

⁴ Ф. И. Успенский, ук. соч., т. III, стр. 648.

⁵ In sequentia Georgii Cyprii scripta (i. e. „Εκδήσις“) monitum. MPG, 142, стр. 227—230.

⁶ MPG, 142, стр. 231—232.

⁷ Там же, стр. 239.

как бы охваченные духом раскола („φύσεως ἀποστάτιδος“).¹ Григорий Кипрский говорит, что догматы названных им лиц (Иоанн Векк и его сторонники) являются такой клеветой, злом, настолько вредят разуму церкви, что если их отец Векк или кто-либо другой из его ревнителей будут на них настаивать, то их следует рассматривать как клеветников и оскорбителей святых отцов.²

Книгу Векка он называет ложной, призывает всех читающих ее считать ее несправедливой,³ а проповедуемые им догматы, подкрепляющие идею об единении церквей, — фальшивыми („δούματα νόθα“).⁴

Религиозная политика Михаила VIII наталкивалась на упорное сопротивление не только со стороны духовенства, но и широких слоев населения.

Большую роль в литературно-полемиической борьбе вокруг вопроса об отношении к унии играл Никифор Влеммид (1197—1272). Крумбахер писал в своей „Истории византийской литературы“, что он принимал живое участие в борьбе по вопросу об унии, но его направление еще якобы нуждается в разъяснении. По мнению Крумбахера, Никифор Влеммид в этой борьбе между сторонниками унии и представителями „крайне ортодоксального“ направления занимал среднюю, примирительную позицию.⁵ Такая оценка взглядов Никифора Влеммида представляется нам неосновательной. Примирительная тенденция у Никифора Влеммида на самом деле проявлялась лишь в попытках устранить или смягчить разногласия между западной и восточной церквами по вопросу об исхождении святого духа. Этой цели были посвящены его речи: „Oratio prima demonstrans sanctorum patrum testimoniis per filium et ex filio spiritum sanctum dici ad Jacobum Bulgariae archiepiscopum“.⁶ и „Oratio secunda de nonnullis dogmaticis quaestionibus ad pium imperatorem Constantinopolitanum Theodorum Ducam Lascarim“.⁷

Если мы теперь перейдем к рассмотрению церковно-полемиической литературы по вопросу об отношении к латинянам в XIV в., то, как мы уже видели, основным содержанием чрезвычайно острой полемики была борьба варлаамитов и паламитов вокруг движения исихастов. Однако выдвигание на первое место длительной дискуссии по этому вопросу вовсе не означало, что борьба группировок по вопросу об отношении к латинянам ступала или даже отошла на второй план. Два направления в религиозно-философской борьбе развивались параллельно и вовсе не вытесняли одно другое. Исихасты, главной массой которых было монашество, особенно афонское, и их теоретически богословские покровители и последователи, паламиты, в основном занимали ярко выраженную антилатинскую позицию в этой борьбе. Варлаамиты и их сторонники, наоборот, придерживались пролатинской ориентации. Время, в которое происходила борьба варлаамитов и паламитов, совпадало с периодом острой классовой борьбы. Ее кульминационным пунктом было восстание, руководство которым осуществляла революционно-демократическая партия зилотов (1342—1349). Это еще более обостряло борьбу между противоположными группировками. Известно, что вождь

¹ MPG, 142, стр. 239.

² Там же, стр. 243.

³ Там же, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 238.

⁵ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2 Auflage, 1898, стр. 446.

⁶ MPG, 142, стр. 533—566.

⁷ Там же, стр. 566—584.

и теоретик исихастов Григорий Палама, назначенный архиепископом Фессалоники, не был принят восставшими и захватившими власть зилотами, и ему удалось занять этот пост лишь после подавления восстания зилотов.

Нам уже приходилось отмечать речь Григория Паламы „О взаимном мире“, произнесенную им на третий день после прибытия в Фессалонику.¹ В этой речи Палама, характеризуя события в Фессалонике, напомнив об избииении динатов в 1345 г., призывал к классовому миру и покорности властям.

Приведем отрывок из простагмы Иоанна Кантакузина, утвердившего решения собора, созданного для осуждения Варлаама. В простагме содержалось обращение ко всем жителям столицы — священникам, монахам, всем гражданам и вообще ко всему народу. Император предлагает всем гражданам подчиняться решениям и постановлениям собора, отвернуться от тех, кто мыслит, как Акиндин, и от всех, кто возмущает против Григория Паламы.²

Кульминационного пункта борьба против латинян достигла в последнее полувековье византийской истории. Последние византийские императоры понимали, что без помощи Запада они не в состоянии противостоять нависшей опасности турецкого завоевания, и снова и снова пытались ставить вопрос об унии и подчинении римскому папскому престолу, рассматривая это как цену в обмен за военную помощь Запада. Несмотря на тяжелое внешнее положение империи, народные массы Византии, как и при Михаиле XIII, не хотели и слышать о подчинении византийской церкви Риму, и теоретики-богословы в своем большинстве не решались публично выступать в защиту унии. Поэтому в это время выдвигались лишь немногие представители пролатинского направления. Мы можем отметить Мануила Калеку, Максима Хрисоверга, Мануила Хрисолора. Среди полемистов, боровшихся против унии, выделялись Иосиф Вриенний, Никита Мурсениот, Нил Тарханиот и многие другие. Особенно острая борьба развернулась на Флорентийском соборе.

Столкновение группировок по вопросу об унии, происходившее на Флорентийском соборе, было предметом исследования Э. В. Удальцовой.³ Поэтому мы не будем касаться последней вспышки столкновений между противоположными группировками византийского общества в их отношении к латинянам и к заключению унии. Известно, что уния, принятая на Ферраро-Флорентийском соборе, была враждебно встречена широкими слоями населения Византии. Также и прибытие папских легатов в Константинополь накануне турецкого завоевания вызвало бурные протесты. Греки островов Корфу, Крита и отдельных районов предали унию анафеме.

В Константинополе тщательно скрывали события во Флоренции, опасаясь восстания. Исидор явился в Константинополь проповедником унии, но должен был убедиться, что большинство населения питало ненависть к латинянам. Храм св. Софии, где унииаты пытались приобщить греков к западному обряду и где была провозглашена уния, считался оскверненным. Массы, стоявшие за антилатинскими группиров-

¹ Б. Т. Горянов. Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зилотов. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 261—166.

² MPG, 151, стр. 772.

³ Э. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. Виз. вр., т. III, 1959, стр. 106—132.

ками, сознавали, что уния влечет за собой утрату господствующей веры, языка. Как мы видели, эти взгляды находили отражение в литературных памятниках, которые мы пытались анализировать. Настроенные против латинян массы отождествляли помощь, ожидаемую от Запада, с водворением унии и католицизма, с обезличением народности, тем более, что эта помощь уже не могла спасти Византию от неминуемой гибели. Чувством обреченности наполнены выступления идеологов обеих группировок. Ни одна из них не могла противопоставить наступающим туркам-османам реального сплочения всех живых сил Византии.
